

ДВЕ ВЕРСИИ ОДНОГО СОБЫТИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К АНЕКДОТУ С. Д. ДОВЛАТОВА)

А. И. Федута
(Минск)

Тамаре Николаевне Зибуновой

В книге «Соло на ундервуде» Сергея Довлатова есть примечательный фрагмент. Приведем его целиком:

Рассказывали мне такую историю. Приехал в Лодзь советский министр Громыко. Организовали ему пышную встречу. Пригласили местную интеллигенцию. В том числе знаменитого писателя Ежи Ружеви́ча.

Шел грандиозный банкет под открытым небом. Произносились верноподданнические здравицы и тосты. Торжествовала идея польско-советской дружбы.

Громыко выпил сливовицы. Раскраснелся. Наклонился к случайно подвернувшемуся Ружеви́чу и говорит:

- Где бы тут, извиняюсь, по-маленькому?
- Вам? – переспросил Ружеви́ч.

Затем он поднялся, вытянулся и громогласно крикнул:
– Вам?! Везде!... (Довлатов 1980: 45).

Если не отмечать допущенную Довлатовым фактическую ошибку (классика польской поэзии и драматургии XX века Ружеви́ча звали не Ежи, а Тадеушем), то в остальном мы имеем дело с практически безукоризненным литературным анекдотом. И это естественно. Как отмечает известный исследователь природы жанра анекдота в русской литературе Е. Я. Курганов, в рассказах Довлатова «ощутим мощнейший анекдотический субстрат, буквально ЗАБИВАЮЩИЙ все остальные запахи. Более того, именно анекдот прежде всего и определяет художественные законы довлатовского мира» (Курганов 2015: 238).

Однако сама история, рассказанная С. Д. Довлатовым, известна мне и по другому источнику – устному рассказу известного польского журналиста и общественного деятеля Адама Михника, некоторое время работавшего секретарем выдающегося поэта Антония Слонимского (1895–1976). Версия Михника отличается от версии Довлатова двумя существенными деталями. Первая: вместо министра иностранных дел СССР польские писатели принимают делегацию Союза Писателей СССР во главе с Александром Чаковским (1913–1994). И вторая деталь: фразу-пуант («Вам – везде!!!») произносит в ней как раз Антоний Слонимский.

Трудно определить, какая из двух версий анекдота исторически более справедлива. Очевидно, что обе они восходят к событию, имевшему место в исторической реальности. Однако в них описывается разная реальность.

Согласно версии Адама Михника, скорее всего, основанной на рассказе самого Антония Слонимского, визит делегации СП СССР в Варшаву состоялся между 1956 и 1959 гг. – в то время, когда Слонимский работал председателем Союза польских писателей. Это – время хрущевской «оттепели», причем самое ее начало. Надежды на десталинизацию идеологии и культуры еще не рухнули. Фронта в литературе стала модой, и один из крупнейших довоенных польских поэтов-модернистов, Слонимский демонстрирует свое фрондерство, что на общем «оттепельном» фоне не является сколько-нибудь заметным фактом.

Его гость, Александр Чаковский, еще не стал тем литературным функционером, каким запомнило его мое поколение. Позади у Чаковского годы войны, когда он был фронтовым корреспондентом. В описываемый период он является главным редактором журнала «Иностранная литература» (1955–1963). Сейчас от его позиции во многом зависит публикация на русском языке писателей стран так называемого «социалистического лагеря», куда входит и «братская» Польша. Он еще не стал членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, секретарем правления Союза Писателей СССР и не приобрел репутацию «мягкого сталиниста».

Можно сказать, что коллизия носит «ведомственный» характер. Предложение воспользоваться всей окружающей территорией для отправления малой нужды исходит от крупного писателя и обращено к писателю-гостю – так сказать, жест вежливости. Пусть, гротескно преувеличенной вежливости (что объяснимо), но все-таки шутка в данном случае не является сколько-нибудь вызывающей – герои анекдота формально являются равностатусными.

Иное – у Довлатова.

Героem анекдота выступает не менее, чем Слонимский, известный в Польше, но гораздо более популярный за пределами родины Тадеуш Ружевиц (1921–2014). Причем популярность Ружевица на Западе обусловлена не его поэтическим талантом, а причастностью к созданию жанра польского «театра абсурда» – наряду со Славомиром Мрожеком. И рассказанный Довлатовым анекдот, таким образом, сразу же укладывается в определенную жанровую традицию: драматург-«абсурдист» превращает Андрея Громыко в персонажа из собственной пьесы.

При этом смена статуса и второго персонажа анекдота серьезно влияет на его содержание. В интерпретации Довлатова не писатель подшучивает над писателем – польский интеллигент дерзит могущественному министру иностранных дел Советского Союза. Это тем более актуально, что Андрей Громыко для Довлатова олицетворяет государство, раздавившее демократические реформы в Венгрии, «бархатную весну» в Чехословакии и введшее войска в Афганистан; через год после выхода «Соло на ундервуде» (1980) под давлением СССР будет введено военное положение и в Польше. Таким образом, предложение справить «малую нужду» там, где гостю будет угодно, обретает характер зловещего предсказания.

Есть и еще один существенный момент. В «версии Слонимского / Михника», как мы видели, легко определяется время происходящих событий. Анекдот Довлатова носит вневременной характер: противостояние писателя и враждебной ему власти происходит всегда и везде. Впрочем, как и желание тоталитарной империи «справлять нужду», где заблагорассудится, также не имеет временных и пространственных ограничений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Довлатов С. 1980. Соло на ундервуде: Записные книжки. Париж; Нью-Йорк: Издательство «Третья волна».
- Курганов Е. 2015. Анекдот как жанр русской словесности. М.: ArsisBooks.